

СТИХИ, ПРИШЕДШИЕ ИЗ БОЯ

Леонид Кривошеков

ПОДВИГ

Случилось так:
Пробившись ночью в тыл,
Фашисты окружили медсанбат.
Блиндаж длиной метров двадцать был,
А в нем полсотни раненых солдат.

Лежали мы вповалку на земле,
Укрытые соломой с головой,
И слушали, как становился злей,
Как нарастал и приближался бой.

И тот, кто мог еще хотя бы встать,
Шатаясь,
Перешагивая через нас,
На выход шел,
Чтоб там винтовку взять,
Взять, может быть,
В последний раз...

Халат в крови,
Над кровью белый пар, –
Усталый врач пришел с передовой.
«Товарищи!
Приказывает комиссар:
– Всем коммунистам в бой!»
Никто не встал...

И я уже
Хотел просить, чтоб вынесли меня.
Солома вдруг
Зашевелилась в блиндаже
И поползла на линию огня.

Солдаты понесли ее вперед,
Прилипшую, присохшую к бинтам,
И врач у входа лег за пулемет –
И бил по наседающим врагам.

Я молод был,
Я полз из блиндажа
За старшими товарищами вслед,
Под самым сердцем у меня лежал
Мой комсомольский новенький билет.

Мы залегли на ближнем рубеже,
Мороз был лют,
А бой горяч...
Погасла лампа
в опустевшем блиндаже,
И смолк у входа беспартийный врач...

Мне рассказали санитарки после боя,
Что коммунистов с нами было двое!

Есет Аукеебаев

БАТАЛЬОН

Баурджану Момышулы

Багровым заревом была
объята даль. И грохот рос,
и навзничь падали тела
нагих молоденьких берез.
Враг артобстрелом разметал
холмы, мешавшие пройти,
но перед ним внезапно встал
стальной плотиной на пути
тот батальон, тот батальон...

Под натиском несметных сил,
казалось, треснула земля,
и вдоль траншеи дым затмил
седые зимние поля.

Горела алой лавой кровь
на взрытом взрывами снегу,
но, отражая вновь и вновь
атаки, жил назло врагу
тот батальон, тот батальон...

Враг в мыслях взял давно Москву
и был особенно жесток,
взбешенный тем, что наяву
никак войти в нее не мог.
И не с чем этот бой сравнить.
Он – отражение войны:
окопов тоненькая нить,
а в ней вся армия страны –
тот батальон, тот батальон!

Мы не забыли этот бой
и не забудем никогда –
Что было общемо судьбой,
то не исчезнет без следа.
Дар слова нам не богом дан,
а теми, кто уснул навек,
но знал – напишет Баурджан,
но знал – расскажет имярек
про батальон, тот батальон...

Перевел Валерий Антонов

Валентин Смирнов

АТАКА

Мы долго грызли кремнистый грунт
звнящей сталью лопат,
чтоб был готов наблюдательный пункт
к утру, как велел комбат.

Противник молчал...

Лишь ветра свист,
да филина крик в ушах,
да рядом тревожным
баском связист

ОПе вызывал впотьмах:

– «Баркас», «Баркас»!

Принимай опять!

«Баркас»! Говорит «Разгон»!

Прицел 7-20,

Правее 0-5,

две мины... беглый... огонь!

От яркого света немецких ракет

я прячусь глубже в окоп.

О, этот дрожащий, предательский свет
и пулеметы – в лоб!

В испуге скрылся за облака

оранжевый диск луны,

когда в атаку пошли войска

под музыку бога войны.

И сразу грозный, огненный шквал

стволы раскалил добела.

И плечи расправил седой генерал:

– Пехота!

Родная!

Пошла!

Дмитрий Снегин

СНАРЯД, ЛЕТЯЩИЙ НА ТЕБЯ

Слышишь – рождается тонкий свист,

едва уловимо переходящий в шелест.

Шелест листа над тобой повис...

Шепчет о многом осенний лист

багровой рябины, взрослой в ущелье.

И как ветер, вырвавшийся в долину,

начинает кружить смерчи, –

уже не шелест, а клекот орлиный

в сердце твое стучит.

И ты, неподвластный

собственному рассудку,

пред темною силой смирясь,

стремительно падаешь

неподстреленной уткой

в болото,

в воронку,

в грязь

и, над страхом от страха смеясь,

прислушиваешься к жизни чутко.

Фисташковое небо давит на лес,
 очерченное багровой линией фронта,
 и берег реки, как почвенный разрез,
 там, где снаряд обратился воронкой,
 дымится пылью лёссовой, тонкой,
 образующей тонкий
 золотистый навес.

От жалкой травы,
 от болота гнилого, –
 в который – несчетный – раз, –
 пахнет не смертью, а жизнью снова,
 и ловит привычный глаз
 точку, где вспыхивает сине-лиловый
 металл, извергающий газ.

Теперь начинается поединок
 государств, артиллерийских систем...
 О, мой снаряд, как мертвая льдина,
 будет до времени нем!

Слышишь:
 спокойный рождается гром, –
 врагу разгадать его поздно, –
 а над тобою – шорох морозный,
 а над тобою – как птичьим пером
 с разлета разрезанный воздух.
 А там – междузальная тишина
 продолжительностью в мгновенье.
 Ни возгласа, ни дуновенья...
 Такие мгновения знает война!

Внимание:
 сначала в оптических стеклах
 взлетают орудий тяжелых станины,
 потом узнаем мы взрыв сатанинский
 по содроганьям бинокля
 и по тому, как чувствуем спину,
 где гимнастерка от пота намокла.
 А недруг увидит
 ослепительный блеск,
 и, запрокидывая голову

все выше и выше,
 он увидит мертвый,
 в глазах отраженный лес
 и мертвую синь незнакомых небес,
 но взрыва снаряда он не услышит.
 Это длится мгновенье:
 сожмется нутро,

выгибается
 столб позвоночника
 прутом,
 и, послушная жизни,
 теперь непослушная кровь
 устремляется к смерти
 по новым артериям круто.
 Враг успеет еще осознать – не живет!
 Тут горячей волною с налета
 его голову вгонит в мокрый живот
 и труп отбросит в болото...
 Запомни, как клятву,
 прими без раздумий:
 препятствия в щепы дробя,
 снаряженный смертью
 снаряд бесшумен,
 летящий в лоб – на тебя!

Семён Анисимов

ГАРМОНЬ

Жил гармонист в селе когда-то,
 перед бедой – перед войной.
 И он ушел на фронт солдатом
 и не вернулся в дом родной.
 И долго плакала солдатка,
 да слез и ныне не таит...
 И с той поры гармонь-двухрядка
 безмолвно в горнице стоит...
 Судьба! Всё девочки рождались.
 Один бы мальчик, хоть один!
 Но ждали-ждали, не дождались –
 так не родился жданный сын...
 Повыходили дочки замуж.
 И мама старая – одна.
 В уютной горенке у мамы
 тaitся днями тишина.
 Глядит печальною поглядкой
 Вдова – седа не по годам...
 Ну, кто встряхнет гармонь-двухрядку,
 рассыплет пальцы по ладам?
 Молчит гармонь. И лишь ночами
 вдруг слышит сердце песню-весть...
 Так возникает из молчанья
 его оборванная песнь.

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Автоматам – патроны.
 Пушкам – стальные снаряды.
 А солдатской душе –
 доброй песни живые заряды.
 Песня шла по дорогам с пехотой
 и с танкистами ехала в танках.
 Тосковали о милых солдаты...
 Возвратясь с рубежей огневых,
 запевали «Землянку»
 в холодных солдатских землянках,
 пели «Темную ночь»
 в полосатых ночах фронтовых.
 И еще была песня
 в хорошем шагающем ритме,
 и с грустинкою пелась
 в ротном походном строю:
 «Ах, как бы дожить бы
 до свадьбы-женитьбы
 и обнять любимую свою!»
 О, сколько парней не дожило
 до свадьбы-женитьбы!
 Но живым – наступать,
 но боям до победы кипеть!
 И стучали сердца:
 «Эх, дожить бы, дожить бы, дожить бы...»
 Мы бросались в атаку,
 чтоб выжить и песню допеть.

Сирбай Мауленов

БАЛЛАДА О МАТРОСЕ

Он плыл, взлетая вверх – и вниз
 скользая по круче.
 И волны черные рвались,
 как в бурю тучи.
 А небо было высоко –
 не прикоснуться.
 Земля лежала далеко
 не дотянуться.
 Сопровождая крейсера
 из темной стали,
 в холодном небе «мессера»
 над ним летали.

На суше враг стоял, паля
 ему навстречу, –
 далеко небо, да земля
 еще далече...
 Его корабль пошел ко дну
 в свинцовом шквале,
 где пули каждую волну
 полосовали.
 Простреливался каждый вал
 в азарте боя –
 матрос упрямо уповал
 на мощь прибора.
 И шумная волна легла
 на берег косо.
 И вправду вынесла,
 спасла того матроса.

Перевел Олег Дмитриев

Рудра Тамарина

ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

На черном небе – ни одной звезды.
 Глухи раскаты тяжких дальнобоек,
 и скакуном, не знающим узды,
 весенний ветер бьется, беспокоен...
 На всех дорогах среди черной зги
 грузовиков коротконосых стаи
 торопятся туда, где – далеки –
 разрывы красных молний вырастают.
 Уставши от бессонниц, шофера,
 чадая нещадно крепким самосадом,
 берут атакой каждый буерак
 и матерятся изредка с досады.

Так по ночам живет и дышит фронт:
 мотор рокочет в побледневшем небе,
 рокочет где-то на земле мотор,
 в хлебопекарне пахнет

свежим хлебом...

А в час рассвета, дымчатый, сырой,
 звезда ракеты сумрак разрывает –
 в задуманный командованием срок
 идут в атаку на переднем крае.

*Тригорий Тригориади**Владимир Чугунов*

* * *

В который раз отбита их атака,
в который разутих на время бой...

Комзвод сказал про немцев:

«Ну, вояки!...»

И прохрипел:

«Курить хочу, хоть вой».

Бумага есть –

отдам письмо от Ани...

Переживем –

она меня поймет!..

И каждый стал искать

табак в кармане,

кисеты наизнанку –

все пойдет...

На нас пошли в психическую снова

(рукав – до локтя, море – до колен),

когда окурок взял правофланговый,

от предвкушенья сладкого сомлев.

Он глянул через бруствер,

буркнул хмуро:

«Вот гад – курнуть

и то ведь помешал!» -

И аккуратно послюнил окурок

и за ухо затиснул не спеша.

Комзвод ему принес

три ленты полных.

«Отходим. прикрывай покуда, брат!»

Фашисты шли за рядом ряд,

как волны,

как на парад – за мутным рядом ряд.

От дыма взрывов

зелень трав прогоркла...

Держаться нужно полчаса всего...

Он в землю врос

на солнечном пригорке,

и волны разбивались об него.

* * *

Все распри сводятся на нет
артиллерийской перестрелкой.

Сияет ярче дружбы свет,

и места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроем –

равно бедны, равно богаты –

грустим, смеемся и поем

под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!.. Быть может, смерть
свершит над кем-нибудь расправу.

Он упадет на землю в травы,

но жаворонки будут петь,

цвести ромашки, незабудки

и многодумный лес шуметь...

С судьбой теперь плохие шутки:

здесь очень просто умереть.

И если первым буду я

судьбой отвергнут от событий,

то вы, товарищи-друзья,

меня в час встречи помяните.

СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану,

сердце не грубеет на войне:

часто дочь, трехлетняя Светлана

мысленно является ко мне.

Теплая и нежная ручонка

норовит схватиться за рукав.

Что скажу я в этот миг, ребенка

на коленях нежно приласкав?

Что не скоро я вернусь обратно,

а возможно, вовсе не вернусь...

Так закон диктует в деле ратном:

«Умирая, все-таки не трусь!»

Может быть, в журнале или газете,

что хранили быть наших времен,

дочь моя, читая строки эти,
гордо скажет: «Храбро умер он!»

А еще приятней, с нею вместе
этот стих короткий прочитав,
говорить о долге, славе, чести,
чувствуя, что ты тогда был прав.

Я друзей обманывать не стану,
сердце не грубеет на войне:
часто дочь, трехлетняя Светлана
мысленно является ко мне...

Михаил Чистяков

ШИНЕЛЬ

Все позади: и дымные завесы,
и танки, и снаряды, и шрапнель.
На гвоздике в углу, за занавеской,
висит моя солдатская шинель.
Шинель моя!
Ни в ливни, ни в бураны
не выхожу в ней – словно схоронил.
Как будто нет ее среди регланов,
как будто я о битвах позабыл.
Но лишь вдохну
прогорклый запах пота,
рукой коснусь железного сукна –
опять, опять на гибельные доты
ползет моя измотанная рота,
и снова солнца не увидит кто-то, –
в меня войдет,
как острый штык,
война.

Александр Елков

НАШИ ДЕТИ

О, как умны они подчас!
Учите дети, жить, учите...
Мы говорим им:
– В добрый час!
Не забывают нас, пишите.

Им не до нас.
Практично вьют
свои, как говорится, гнезда.
Когда построят их,
поймут
родителей, да будет поздно.

Мы от одной пошли судьбы.
И нет другой судьбы на свете.
Как в недовольстве хмурят лбы
порой взыскательные дети.

Ведь не пустыми же с войны
вернулись мы –
пришли с Победой.
И что еще мы им должны,
обутым, сытым и одетым?!

9 МАЯ

Хоть бы кончился дождь.
Хоть бы высветлил даль
этот завтрашний праздник
Девятого Мая.
Вот вошел инвалид –
и медаль о медаль
как-то звякнула тяжко
в притихшем трамвае.
У него на лице
постоянная тень
неизжитой войны
и мешки под глазами...
Кто бы знал,
что уже этот памятный день
не приветствую я, как бывало,
стихами.

Снова красная дата
на стенде зажглась.
Вновь суровая память
возглавит застолье.
Вот и планка нагрудная
в доме нашлась,
что оплачена
кровью солдатской и болью.

Но, увьи! Не вернуть мне
   осанки былой,
 не вчеканить в асфальт
   молодую походку.
 В самый раз, может быть,
   на полыни степной
 настоять поминальную горькую водку.

Поименно назвать фронтовую родню,
 чашу, полную скорби,
   пуская по кругу...
 Ты в больничной палате к этому дню
 сохрани мне, о Боже,
   последнего друга.

Сашингали Сеитов

ВЫСОТКА

О тебе не писали в сводках...
 Не село и не город ты.
 Ты всего лишь в поле высотка,
 Где росли трава и цветы.

Не отмечена ты на карте,
 И не мог о тебе я знать.
 Ни один журналист не тратил
 Время, чтоб о тебе писать.

Только ты мне родней и ближе
 Многих сел, что взяты в бою.
 Кровь моя и друзей погибших
 Пропитала землю твою.

МОЕ ИМЯ

Не умолкал артиллерийский рев.
 К земле огнем пригвождена пехота.
 И, наконец, на третий день боев
 Ворвалась в белорусский город рота.

Мы с боем отбивали каждый дом,
 К фашистской своре жалости не зная.
 Вдруг из руин, оставленных врагом,
 К нам выбежала девушка седая.

Крича и плача, не стыдясь, навзрыд,
 Она ко мне, дрожащая, прижалась.
 Такая боль от множества обид
 В глазах ее печальных отражалась.

Такие складки горькие легли
 У рта ее, что слезы закипели.
 – Родные!
 Наконец-то вы пришли! –
 Она шептала мне, припав к шинели. –
 Мне все равно, в каком краю ты рос, –
 Она сказала, руку сжав солдата, –
 Но ты освобожденье мне принес,
 И я тебя считаю
 братом.
 Когда земля в пожарах и крови,
 Становятся теснее узы братства.
 Прошу тебя: мне имя назови,
 Ты, кто сегодня спас меня от рабства!

Я, с боем прошагавший всю войну
 И видевший селений русских пепел,
 Взглянув вдруг на девичью седину,
 Сжал автомат и девушке ответил:
 – В руины превращен твой отчий
 дом...
 За кровь и слезы нашего народа
 Мы до Берлина гнев свой донесем.
 ...А как зовут?
 Меня зовут Свобода!

Николай Душкин

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Когда в долгожданном
   Безоблачном мае
 Умолкла Победным салютом гроза,
 И матери чьи-то, меня обнимая,
 Смотрели с тоской
   и надеждой в глаза, –
 Я понял:
   в сердцах неизбывное горе
 И радостью, видно, нельзя затушить.
 Из маленьких капель слагается море,
 Но солнце Бессильно его осушить.

В ПАРКЕ ПАНФИЛОВЦЕВ

Кто вам сказал –
 Зарубцевались раны?!
 Они кровоточат и по сей день.
 Но знают это только ветераны,
 Не понаслышке знают –
 По себе.
 Отрадны в парке мне и смех
 беспечный,
 И зайчики в глазенках малышей!..
 Но от гранитных плит
 Покоем вечным
 Нет-нет да и повеет на душе.
 Встают пред взором те, кто в ратном
 поле,
 Порой земле не преданы, легли, –
 И холодеет сердце
 В многолетней боли –
 Ведь все они бы жить да жить могли...
 А вы толкуете,
 что старые, мол, шрамы
 Не ноют.
 Правда,
 Если не твои.
 А нам, подранкам, кажется –
 Вчера мы
 Их получили...
 Только боль таим.

Музафар Алимбаев

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я не забуду ночьку ту:
 Семь раз в атаку мы вставали,
 Семь раз, как боги, воскресали
 И все же взяли высоту.

Наутро спал наш батальон
 В землянках, немцами отрытых,
 Среди товарищей убитых,
 Еще в могилы не зарытых,
 Вдруг появился почтальон.

Принес он письма для ребят
 И мне вручил письмо от брата,
 Где буквы стлались виновато:
 «Прости, быть может, поздновато,
 Но с днем рождения тебя!»

Я мял задумчиво конверт,
 Устало привалившись к двери.
 Слова письма меня не грели,
 Я сам себе никак не верил,
 Что мне и вправду
 двадцать лет!

Перевел В. Кузнецов

ДЕВЯТОЕ МАЯ

День Победы Великой,
 ты снова со мной!
 Как нужна твоя радость живая.
 Очень верится мне –
 не случайно весной
 Мы встречаем Девятое мая.

О, как наши сердца
 в этот день горячи.
 Снова голосу памяти внемля,
 Мы идем по земле,
 и Победы лучи
 Наполняют теплом эту Землю.

Перевел Михаил Головинчик

